

очень неправдоподобно; мало вероятны даже для эпоса головы врагов, водруженные на шестах,— стр. 115; вызывает сомнение тип панциря с двумя дисками на груди — стр. 64—65 и др.). 19-летняя Каныкей изображена на рисунке (стр. 224—225) в женском головном уборе — «элечек», в то время как на рисунках, изображающих ее в более зрелом возрасте, на ней надет головной убор, имеющий в основном значение свадебного, при этом имеющий форму более близкую к казахской «саукеле».

В общем, выход в свет рецензируемой книги можно только приветствовать, а всех инициаторов и участников подготовки книги можно поблагодарить за ценный вклад в художественную культуру народов СССР, вклад, которым вправе гордиться создатель эпоса «Манас» — киргизский народ.

С. Абрамзон

«Таджикские сказки», составитель Б. Ниязмухамедов, под общей редакцией академика Е. Н. Павловского, Таджикский филиал Академии Наук СССР, Институт языка и литературы, Сталинабад, 1945.

Выпущенный Институтом языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР сборник таджикских сказок является событием в культурной жизни этой республики уже по одному тому, что это первый печатный сборник народных таджикских сказок на русском языке. Отдельные сказки, эпизодически появлявшиеся в периодических изданиях, до- и пореволюционных, не давали, конечно, цельного представления о характере и судьбах национальной сказки. Настоящий сборник включает 35 сказок, из которых 14 были уже в разное время опубликованы, остальные записаны в период с 1939 по 1943 г. Б. Ниязмухамедовым и другими научными сотрудниками Института, кроме двух, записанных И. Митропольским в 1915 г. в районе Чимганских гор. «Если таджикские сказки подобны океану,—пишет в предисловии составитель сборника Б. Ниязмухамедов,—то предлагаемый читателю сборник является лишь каплей его». В этой «капле» составитель постарался показать все разнообразие бытующей в настоящее время таджикской сказки: сказку фантастическую, бытовой народный анекдот, историческое предание и современную сказку с новой советской тематикой.

Большее половины сборника составляют волшебные сказки, сюжеты и стиль которых вполне соответствуют тому каноническому представлению, которое мы имели о сказках Востока еще со времени первого появления в русской печати сказок Шехерезады. Это те сказки, о которых А. М. Горький в предисловии к сказкам «Тысяча и одной ночи» писал: «Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отделиться чарованию сладких вымыслов, свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока»... В таджикской волшебной сказке мы встретим сюжеты и образы, хорошо известные мировому сказочному фольклору: поиски похищенной возлюбленной, в которых герою помогают чудесный конь и благодарные животные, рассказы о змееборцах, хорошо известные русской сказке сюжеты волшебного кольца, невинно оклеветанной жены (сюжет царя Салтана) и др. Действующие лица волшебных сказок — злые дивы, побеждаемые хитростью и силой героя, добрые и прекрасные пери, чудесная птица, помогающая герою разбогатеть, странствующие деревья, жестокие и глупые падишахи, хитроумный крестьянский сын — многие из них родственны действующим лицам европейской сказки. Однако от европейской сказки таджикскую отличает ее своеобразный стиль, ее цветистый язык. Чрезмерная склонность к поэтической гиперболе («Голова у нее была с юрту, а руки, как толстые бревна, пальцы с оглобли, ладонь больше, чем у арбы колесо»), традиционная формула в описании красоты героя или героини («Он был так красив, что правая сторона его лица казалась солнцем, а левая луной»), излюбленное традиционное число — сорок (например, девушку обвиняют в пребывании в обществе сорока любовников), особая украшенность любовно-лирических сцен, где в диалогах проза заменяется байтами (стихами), — все это чрезвычайно типично для восточной сказки вообще, в частности — для таджикской, как одной из ее разновидностей. Сатирические бытовые сказки и анекдоты настоящего сборника дают прекрасные образцы народного восточного юмора, напоминая известные всему миру анекдоты о Ходже Насрэддине или каравеллы Азербайджана. Сатирическое острие большей части этих сказок направлено на жадных, продажных судей («Алчный кадий», «Балхский судья» — прекрасный вариант «Шемякина суда»), на глупую спесь эмирского чиновника, доводящую его до нелепой смерти («Смерть надутого Мирахура»), на бессмысленную жестокость падишаха («Бедняк и хитрый вор»). В сборник включено и несколько исторических анекдотов и преданий: об Александре Македонском («Искандер Зулкарнайн»), предания о борьбе таджиков с арабами («Буджикентцы и арабы»), о борьбе с Чингизханом («Город Мунча»).

Особое место среди сборника занимают сказки с советской тематикой. Один из характерных фактов в развитии современной сказки — появление аллегорической сказки, повествующей в образах и мотивах традиционной сказки о событиях и людях живой советской действительности, — нашел свое место и в жизни таджикской сказки. В настоящем сборнике таковы аллегорические сказки: «Ленин и Кучук-одам», опубликованная на русском языке в 1938 г. в книге «Ленин и Сталин в творчестве народов

СССР», «Голубой ковер» — сказка о Сталинской конституции — и образец нового, военного эпоса — сказка «Хандур» (чудовище, страшилище), записанная в 1943 г. — в Сталинабаде и повествующая о взбесившемся чудовище, напавшем на лучший из садов мира, возвращенный Великим Садовником. Хандур получает в этом саду «удары вместо плодов», а вместо людей — «пожирает пламя».

Составитель сборника «Таджикские сказки» сделал большую и нужную работу, собрав разбросанные по разным печатным изданиям и рукописным собраниям народные сказки и подарив, таким образом, занимательную книгу массовому читателю. Его заслуга была бы значительнее, если бы он обратил большее внимание на качество перевода сказок. Если в ряде случаев нельзя было заново хорошо перевести сказки, взятые из печатных изданий или известные в очень давней записи, то, по крайней мере, следовало бы внимательной редакторской правкой освободить издание от таких стилистических недочетов, как, например, в сказке «Ой-Ахмат»: «собирается делать домик» или «я имею две комнаты», «послал узнать причины неяви любимого человека». Между тем сказка «Ой-Ахмат» записана от лучшего, по свидетельству составителя, сказочника Таджикистана — Бобоюнуса Худойдодзада и единственного, кстати сказать, чья биография дана в сборнике. Многие сказки сборника даются в литературной обработке весьма различного характера. Так, обработки Сухаревой или Семенова, сделанные с большим художественным тактом и чувством стиля национальной сказки, в корне отличаются от обработки, которой несомненно подвергал свои записи Митропольский и которые превращают поэтический текст сказки в тяжеловесный пересказ, уничтожающий совершенно ее речевую интонацию, диалогическое построение, перегружающий сказку оборотами, несвойственными народной речи. Многие тексты обременены излишним количеством непереведенных таджикских слов. Полагаем, что *coûleur locale* сказки нисколько не пострадала бы, если бы вместо «каландар» было сказано «странствующий дервиш», а описание туалета «каландара» не звучало бы загадкой: «одет он в рубище, к поясу подвешен чилтор, в руках посох, за пазухой саыги-санд, на ногах чамусы». При этом сборник изобилует объяснениями национальных слов текста; они и в примечаниях, помещенных после каждой сказки, и в словаре в конце книги. Однако точность перевода некоторых слов остается сомнительной. Так, слово «айер» объясняется как «ловкий человек, фокусник, осведомитель, нечто вроде шута»; в тексте же сказки старуха-айер воспринимается как злая волшебница, помощница врага героя сказки. Слово «девана» переведено как «юродивый», тогда как в сказке («Хирс-Палван») девона — старик, живущий в лесу, читающий коран и помогающий герою в борьбе с драконом, — скорее отшельник-мудрец, чем юродивый в обычном смысле этого слова.

В сборнике, помимо словаря и примечаний, дающих краткий паспорт сказки, совершенно отсутствует научный аппарат. Соотношение между сюжетами таджикских сказок и сказок западных и восточных народов не выяснено, ибо нет обычных для всякого научного издания ссылок на «Указатель сказочных сюжетов» Аарне — Андресе и на другие печатные сборники восточных сказок. Социальное и творческое лицо таджикского сказочника остается также неизвестным читателю. Сведения о бытовании сказки таджиков в настоящее время, данные во вступительной статье, общи и мало конкретны. Нигде и никак не освещается вопрос о жизни таджикской сказки в дни Великой отечественной войны, несмотря на то, что в сборнике помещена аллегорическая сказка о Гитлере («Хандур»), записанная в 1943 г. Полагаем, что необходимость изучения творческой индивидуальности сказочника, условий бытования сказки в современности и судеб сказки в годы минувшей войны — все это должно быть учтено не только при новом издании таджикских сказок, но и при организации работы по собиранию сказочного богатства Таджикистана.

С. Минц.

«Дунганские сказки», составители Х. Юсуров и В. Шахмаюв, Академия Наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Алма-Ата, 1946.

Сказки, собранные в рецензируемом сборнике, записаны Х. Юсуровым в Дунганском селе Кара-Кунуз, в Токмаке, Джаркенте и Алма-Ата от стариков-дунган, переселившихся в Семиречье из Северо-западного Китая в 70—80 годах XIX в. Фольклор дунган почти не изучен и мало известен. Не считая нескольких скудных и довольно случайных публикаций в журналах,¹ рецензируемый сборник — первая попытка познакомить советского читателя с фольклором дунган, живущих в Казахстане и Киргизии. Фольклор дунган очень сложен и многообразен. Долгое время после своего переселения в Семиречье дунгане сохраняли ту культуру, которую они принесли с собой из Китая. Большое влияние на их фольклор оказала культура мусульманского Востока. Не могло пройти бесследно общение с киргизами, казахами и узбеками. Наконец, большое влияние на дунган, особенно после Великой Октябрьской революции, оказала и русская культура. Все эти стихи причудливо сочетались и переплелись

¹ «Литература и искусство Казахстана», 1941, 4 (четыре сказки, опубликованные Юсуровым и Шахматовым); «Народное творчество», 1937, 5 (Ошакевич и Беккер, Поэзия дунган); «Литературный Узбекистан», 1940, 1 (Полыванов, «Часовня копченой селедки»).